

УДК 821+070

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-49-61

ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЭПОХУ СВО: ОТ ФИКСАЦИИ ФАКТОВ К ОБОБЩЕНИЯМ

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье осуществляется попытка выявить основные тенденции развития отечественной военной журналистики в период СВО. Хотя фронтовые экшенролики сегодня остаются наиболее популярной формой фактических материалов об СВО, вербальные тексты продолжают играть принципиально важную роль в работе военкоров. Это обусловлено и специфическими возможностями *слова* в отражении реальности, и стремлением журналистов к обобщению информации о военной жизни. В результате можно наблюдать использование военными корреспондентами приемов художественной типизации и литературной циклизации, что следует расценивать как продолжение классических традиций русской литературы. Наиболее ярко эти тенденции выразились в книгах очерков об СВО Александра Коца «500 дней поражений и побед» и Дмитрия Стешина «Священная военная операция». Предпринятое в статье сопоставление фактов разных эпох позволяет выявить логически объяснимые закономерности, управляющие литературным осмыслением военных действий. На первом этапе происходит фиксация отдельных деталей и фактов, находящихся выражение в жанре документального очерка и других малых формах словесного творчества. Накопление фактов требует обобщений, что ведет, с одной стороны, к использованию тактики типизации, с другой – к созданию очеркового цикла – панорамной хроники военных действий. И наконец наступает этап художественного обобщения, когда множественные факты военной реальности преобразуются в единичные образы, сконструированные авторским воображением, но фокусирующие типичные проявления реальности.

Ключевые слова: СВО, военная журналистика, Дмитрий Штешин, Александр Коц, художественная типизация, литературная циклизация.

ВВЕДЕНИЕ

Существуют ситуации, когда рассуждения об актуальности научной проблемы выглядят как избыточная формальность. За время проведения СВО военная журналистика пережила настолько бурливый этап развития, настолько расширила свое общественное значение, что ученые попросту не вправе оставлять эту область за гранью своего первоочередного внимания.

Меняется, однако, не только сама журналистика. Методология ее изучения, еще недавно, казалось бы, дававшая удовлетворительные результаты, сегодня ищет новые ракурсы видения, расширяет масштабы контекстуального осмысления, стремится к междисциплинарному сотрудничеству. **Цель** статьи – выявить основные тенденции жанровых трансформаций в вербальных текстах военной журналистики, опираясь на исторические аналогии и теоретические знания о логике документально-художественного синтеза.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теоретическое обобщение и теоретическое упрощение

С некоторого времени в осмыслении процессов, происходящих в журналистике, тотально превалируют так называемые «коммуникативные теории». Они же превратились в «становой хребет» теоретической подготовки студентов «журфаков». Продуктивность этого «коммуникативного увлечения» сегодня выглядит весьма сомнительной. С одной стороны, недавние выпускники журфаков, погружившись в практическую журналистику, признаются, что коммуникативные модели и теории оказываются мало востребованы в профессиональной деятельности. Гораздо большую пользу представляют советы и рекомендации опытных коллег. С другой стороны, для исследователя журналистики коммуникативные теории также оказываются слабым подспорьем: они, пожалуй, помогают структурировать фактический материал, но не объясняют ни сущности многих процессов, ни сложного взаимодействия закономерностей.

Теоретические представления призваны служить практической деятельности. Теоретизирование – это поиск инварианта на основе сопоставления множества частных, общей закономерности в ряду сходных явлений. Результат такого поиска позволяет сформулировать правила и выработать алгоритмы для практической деятельности.

Однако теоретизирование имеет предрасположенность к чрезмерному упрощению наших представлений о реальности, что может выглядеть привлекательным с точки зрения кажущейся легкости постижения окружающего мира, но негативно сказывается на возможностях его практического освоения.

Теоретической абстракцией является и Витрувианский человек Леонардо да Винчи, и изображение человеческого организма на плакате в анатомическом кабинете, и линейное изображение «человечка», выполненное ребенком. Детский рисунок с его наивным схематизмом представляет человека наиболее упрощенно, но не может быть востребован в серьезной практической деятельности, поскольку абстракция оказывается критически удалена от реальности. Чтобы оказаться полезным, теоретическое построение должно нивелировать различия частных, но при этом отражать сложную «архитектуру» предметов и явлений.

Для всякой сферы деятельности необходим свой уровень теоретического обобщения и упрощения: скульптор ориентируется на Витрувианского человека, будущий медик – на плакат из кабинета анатомии, ребенок – на «человечка», нарисованного сверстником. Коммуникативные теории, предельно обобщая механику передачи информации и опираясь на естественнонаучную методологию [18, с. 13], оказались продуктивны в области кибернетики и психологии, но перестают демонстрировать эффективность в области широких гуманитарных знаний. Модели процесса коммуникации – от Гарольда Лассуэлла до Герберта Малекке – постепенно усложнялись, однако оставались отвлеченными и чрезмерно упрощенными схемами.

Востребованность коммуникативных теорий в гуманитаристике, надо полагать, обусловлена научной модой, которая, в свою очередь, диктовалась предельной

простотой этих теорий и той самой кажущейся легкостью постижения окружающего мира. Это наглядно прослеживается в сфере коммерческого образования. Существует богатое предложение разного рода тренингов и курсов, обещающих повысить коммуникативные возможности человека. Они сплошь выстраивают свою работу на разъяснении коммуникативных моделей, простота которых вызывает у потребителя «образовательной услуги» ощущение легкости в преодолении коммуникативных трудностей. Такое ощущение способно поддержать в человеке чувство уверенности в себе, но не способно избавить от необходимости осваивать языковые нормы, приемы речевого воздействия, анализировать ситуацию и особенности собеседника и проч. и проч. В целом складывается впечатление, что использование коммуникативных моделей и теорий можно рассматривать в качестве успешного «маркетингового хода», но вовсе не оптимального пути к познанию сути вещей. То же можно сказать о «модных» терминах типа «шортридов» и «лонгридов», упрощающих представление о жанрах до примитивизма. Так или иначе, но ни коммуникативные теории, ни упомянутые термины не позволяют в полной мере осмыслить грандиозные изменения, происходящие на наших глазах в военной журналистике. Гораздо надежнее, думается, опираться на традиционные филологические знания, где место «шортридов» и «лонгридов» занимают представления о существенном разнообразии и сложном взаимодействии жанровых форм.

Фрагментарное восприятие событий и феномен клипового мышления

Современные технические устройства радикально повлияли на форму и объем военной информации, поступающей широкой аудитории. Не так давно появились экшенкамеры, потом – FPV-дроны, и сегодня, благодаря оперативности мессенджеров и соцсетей, любой человек имеет возможность наблюдать как очевидец то, что раньше мог лишь представить себе по книжным описаниям или постановочным сценам художественных фильмов: раненый воин подрывает себя гранатой, чтобы не оказаться в плену, или буднично откидывает от себя боезаряд, сброшенный с коптера; на курской земле горят немецкие «Леопарды» и т. д. и т. п.

Фронтные видеоролики сегодня, безусловно, основной формат подачи фактических материалов об СВО. Велик соблазн констатировать, что сложившаяся ситуация иллюстрирует окончательную победу клипового мышления, подчинившего своей власти современное общество. Однако нас должно насторожить, что основанием для подобного заключения служит слишком малый хронологический отрезок наших наблюдений.

В 1990-е – 2000-е годы многие исследователи фиксировали, что массовое сознание проявляет сильную склонность к так называемой «клиповости» восприятия и мышления. Эти наблюдения выглядели как значительное открытие, что вело к абсолютизации того воздействия, которое имеет клиповое сознание на культуру эпохи. В последние годы исследователи склоняются к более взвешенному подходу; клиповое восприятие реальности рассматривается в качестве надвременной психологической особенности, которая в разные эпохи проявляется с разной интенсивностью: «Клиповый подход (в восприятии ли, в понимании ли), – заключает профессор В. М. Букатов, – это вполне естественный вектор в освоении человеком

новой для себя информации» [1, с. 7]. Стоит согласиться с этой точкой зрения, лишь уточнив: может быть, не «вектор», а «этап» освоения новой информации. О всяком масштабном предмете или событии наше сознание, как правило, получает сначала раздробленную информацию и уже потом формирует из фрагментов целостный образ, более или менее соответствующий действительности.

Это правило, безусловно, распространяется и на восприятие военных событий. Достаточно обратиться к историческим аналогиям. Скажем, о событиях Отечественной войны 1812 г. основная часть читающей публики узнавала из кратких военных сводок и «анекдотов», опубликованных в российских журналах. Напомним, что в понимании той поры «анекдот» представлял собой не «смешную историю», а краткий рассказ о примечательном событии (в том числе – из военного быта) и «мало чем отличался от информационного жанра “корреспонденция”» [9, с. 183]. Эти тексты малого жанра быстро создавались, легко воспринимались. Но остановилось ли общество на таком фрагментарном (клиповом) восприятии войны 1812 г.? Нет, ее события в скором времени начали находить отражение в произведениях крупных жанров – сначала документальных, мемуарных, а позднее и художественных.

На пути к обобщениям

Постепенный переход журналистики к более крупным формам отражения военных событий – ответ на требование коллективного сознания, перешедшего к этапу формирования целостного представления о войне на основе уже имеющихся фрагментарных данных. Ежедневно человек видит десятки новых роликов с поля боя. Но видит ли он полную картину войны? Он видит лишь отдельные участки сражения, не имея возможность охватить взглядом всю батальную панораму.

Между тем сознание требует общей «картинки». Каким образом ее сформировать? Если мы механически «сошьем» в одну бесконечную ленту все видеоролики с поля боя, это не решит задачу. И тому есть две причины.

Первая – связана с тем, что видеоматериалы имеют ограниченные возможности отражать реальность. Мы, например, знаем, как пахнет больница, автозаправка, хлебный магазин, наша родная комната. Для нашего сознания это важная информация. Но знаем ли мы, как «пахнет» война? Тот же вопрос можно задать по поводу звуков войны. Только ли это звуки взрывов?

Вот фрагмент из, пожалуй, первой отечественной военной корреспонденции – из очерка Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце». Мы привыкли называть этот текст рассказом, поскольку он входит в цикл «Севастопольские рассказы», но это именно документальный военный очерк. Толстой наблюдает картины военного быта на Северной стороне – в ближайшем тылу обороняющегося Севастополя:

«<...> Прошла смена часовых, побрякивая ружьями; тяжелая маджара на верблюдах со скрипом протащила на кладбище хоронить окровавленных покойников... Вы подходите к пристани – особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас; тысячи разнородных предметов – дрова, мясо, туры, мука, железо и т. п. – кучей лежат около пристани;

солдаты разных полков, с мешками и ружьями, без мешков и без ружей, толпятся тут, курят, бранятся, перетаскивают тяжести на пароход» [14, т. 2, с. 5].

На основе этого фрагмента можно было бы отснять постановочную сцену и, пожалуй, даже подобрать для нее достоверный интершум. Но ведь запах «каменного угля, навоза, сырости и говядины» при этом нам передать не удастся.

А вот в качестве параллели фрагмент из поста (в жанровом отношении это небольшой очерк), выложенного военным корреспондентом Дмитрием Стешиным на своей странице в VK:

«Дороги войны имеют свой характерный запах, а обоняние – самое сильное и запоминающееся чувство человека. И долго хранящееся в памяти, дольше зрительных образов. Дороги войны пахнут. Запах этот можно уловить, когда машина приходит в место назначения и на коробке, раздатке и мостах начинает подсыхать грязь, выдавая целый букет – запах трансмиссионного и моторного масла военной техники и брони. Она потребляет его тоннами и чуть ли не треть льет и капает. Вторая составляющая – запах угольной крошки или даже пыли. И третий – парной чернозем великой Дикой степи. Голова кружится» [12].

Характерно, что этот текст сопровождается видеокадрами военной техники, передвигающейся по разбитым «грунтовкам» близ линии соприкосновения. Ролик позволяет передать нагрузку, которую испытывают люди и техника; промозглость осенней погоды; вязкость пропитанного дождями грунта, но не палитру запахов. Для этого автору необходимо *слово*.

Впрочем, в контексте нашего разговора важна даже не столько способность слова отразить всё и вся. Еще большее значение имеет потребность авторов и аудитории в обобщениях. Видеоролики (клипы) отражают частные эпизоды, тысячи эпизодов. Человек «на диване» не может определить, какой эпизод типичен, а какой является исключением. Аудитории нужно готовое обобщение, основанное на типичных событиях и характерах.

Для такой задачи не годится искусственный интеллект, который способен к анализу лишь попавших в «сеть» материалов и лишь на основе банальной статистики. Необходимо индивидуальное творческое сознание, то есть человек, способный в определенных деталях и лицах видеть проявление масштабных явлений и процессов. Логика и исторический опыт подсказывают, что таким человеком должен оказаться военный корреспондент. Именно у военкора накапливается огромный фонд наблюдений, наибольшая часть которых не отражается в репортажах, но позволяет делать более или менее общие выводы. Часто такими, пусть промежуточными, выводами делится военкор Александр Сладков. Вот один из постов на его Телеграм-канале. Автор рассуждает на разные темы и в завершение пишет о положении дел в Курской области:

«Теперь о ситуации. Можно назвать сотый раз сотню населенных пунктов, которые, описывая СВО, называю и я и другие блогеры. Но я о другом. Я об общей тенденции. Мы давим врага. И никто не может нас остановить» [11].

А вот фрагмент из поста военного блогера, командира батальона «Восток» (позывной «Скиф»), заместителя начальника Главного управления Росгвардии по ДНР Александра Ходаковского. Автор рассуждает об атаке ракетами «Himars» по санитарной цели в нашем тылу:

«У линии боевого соприкосновения стало нормой уничтожать любой транспорт и любые группы, не задумываясь над тем, идет ли эвакуация раненых или происходит ротация. Многочисленные свидетельства говорят о целенаправленном уничтожении противником даже очевидно гражданских целей, которые ни с чем перепутать нельзя. Но если происходящее на ЛБС еще с огромной натяжкой можно как-то объяснить, то уничтожение тяжелых раненых в ходе эвакуации в глубоком тылу ничем, кроме моральной деградации, объяснить нельзя. Противник знал, для чего и для кого прилетели транспортные вертушки, но, тем не менее, нанес целенаправленный удар хаймерсами. И это не полубезумный оператор дрона, сидящий на наркоте, в ажиотаже принимающий решение, – тут была “командная” работа на достаточно высоком управленческом уровне – хаймерсами не разбрасываются» [15].

Задача автора в данном случае – подсказать читателю, что для текущей военной ситуации является характерным, а что аномальным. В этом отчетливо проявляется намерение автора направить аудиторию по пути промежуточных обобщений.

Сцепление текстов

Приведенные примеры – лишь вкрапления в ленты военных новостей. Но частота таких вкраплений постоянно возрастает. И в продолжение темы нам следует сказать о двух не так давно вышедших книгах, посвященных СВО: «500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора» (2023) Александра Коца [3] и «Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара» (2023) Дмитрия Стешина [13]. Оба автора – известные военные корреспонденты, давно работающие под эгидой «Комсомольской правды»; обе книги – сборники военных очерков, печатавшихся в «Комсомолке» с начала спецоперации.

Сколько можем судить, для публикации в книге очерки не перерабатывались (если не считать мелкую корректировку). Это собранные вместе в изначальной редакции фрагментарные отражения войны. Но вот что характерно, сумма экшенклипов, как было сказано, не создает целостной панорамы войны, а сумма военных очерков Александра Коца и Дмитрия Стешина такую панораму создает. Почему?

Дело в том, что речь идет не просто о сборниках очерков, а о циклах, то есть о целостных произведениях, смонтированных из элементов, которые изначально воспринимались как самостоятельные тексты, но в результате объединения превратились в целостное повествование. Прием такого «сцепления текстов» известен под названием «литературной циклизации» и хорошо изучен отечественными литературоведами. Перед произведениями малых жанров циклы имеют то преимущество, что гораздо шире охватывают действительность.

По сравнению с жанром романа циклы проигрывают в монолитности «архитектоники», но выигрывают в оперативности реакции на изменения и запросы действительности.

В русской литературе прозаические циклы завоевали прочное место еще в эпоху романтизма [19, с. 65], но особое значение приобрели в период становления реализма. По существу, литературный цикл явился переходной формой от жанров очерка, рассказа и повести к жанру романа. Рассуждая о структурной специфике романа «Герой нашего времени», Б. М. Эйхенбаум отмечал: «Нельзя было сразу сесть и написать новый русский роман в четырех частях с эпилогом – надо было его собирать в виде повестей и очерков, так или иначе между собою сцепленных» [17, с. 249].

Следует учитывать важнейшую особенность циклов: объединяя в себе некогда самостоятельные тексты, цикл не суммирует их смыслы, а существенно расширяет их, образует новый повествовательный организм, с новыми идеями и содержанием. Наиболее показательное проявление этого феномена – история «Записок охотника».

И. С. Тургенев, по всей видимости, первоначально не планировал создание такой книги. Очерки, которые позднее эту книгу составили, печатались как самостоятельные произведения. Причем идея дать первому очерку «Хорь и Калиныч» (1847) подзаголовок циклообразующего характера – «Из записок охотника» – принадлежала не автору, а редактору «Современника» И. И. Панаеву [2, с. 138]. Характерно, что все очерки по отдельности прошли цензурную проверку и не вызвали возражений, поскольку выглядели как зарисовки о природе, быте и нравах, лишённые политического подтекста. Постепенно Тургенев пришел к мысли объединить очерки под одной обложкой с заглавием «Записки охотника» (1852). Выход цикла вызвал настоящий цензурный скандал, поскольку выяснилось, что при объединении невинных «охотничьих» очерков в одну книгу получилась довольно мрачная и политически заостренная панорама крестьянского бытия в условиях крепостного права.

Литература знает ряд приемов, позволяющих объединить разрозненные тексты в единый цикл. И Александр Коц, и Дмитрий Стешин этими приемами вполне владеют. Помимо внешних атрибутов цикла (скажем, общего заглавия), Александр Коц в качестве объединяющего элемента использует предисловие к книге, Дмитрий Стешин – авторские комментарии, в которых раскрывает ретроспективу или перспективу сюжета того или иного очерка¹. Целостность циклов обеспечивается и общей для всех элементов военной тематикой, и соответствующим хронотопом, и оригинальными колоритными чертами, присущими образу, что одного, что другого автора. Но важно еще вот что: элементы этих циклов изначально были нацелены на обобщение. Вот фрагмент из очерка Дмитрия Стешина. О мобилизации в Донцке в начале СВО:

«Обычные мужички выходили к школе из дворов – кто с рюкзачком, кто со спортивной сумкой и присоединялись к нашей группе, гревшейся на

¹ В видеоинтервью, записанном А. П. Машенко специально для II Крымского медиафорума «Журналистика в период СВО» (3 октября 2024 г., Симферополь), Дмитрий Стешин отметил, что в эти комментарии зачастую включена информация, обнародование которой выглядело неуместным в момент первоначальной публикации очерков.

солнышке. И сумки у мужиков были те же самые, в которых они носили смену белья и «тормозок» в шахту или на завод.

Обсуждали минувшую ночь:

– Долбили-долбили, наши не выдержали – пришел, видать, приказ на ответку, выкатили саушку прямо к моему дому да как дали!

– И чё?

– Я с кровати слетел, а жена – так и спит, даже похрапывает.

Все хохочут» [13, с. 4].

Кто эти говорящие? Почему у них нет имен? Военкор постеснялся спросить? Не успел записать? Нет. Автор таким образом дает понять читателю, что людей, похожих на эти персонажи, неопределенно много, что эта ситуация – отражение общего настроения «мужичков Донбасса». Используется прием типизации, по сути, художественный прием, который повторяется в разных элементах текста, а в целом позволяет автору развернуть перед читателем панораму, в которой мы видим и народ, и отчаяние, и терпение, и подвиг, и веру в победу.

Так же поступает в своих очерках и Александр Коц. Не станем перегружать статью цитированием соответствующих фрагментов, но акцентируем внимание на заглавии его книги – «500 дней поражений и побед». Это прозрачная аллюзия на первую повесть Гайдара «В дни поражений и побед», написанную еще в 1920-е годы [16, с. 582]. Чем обусловлена эта переключка? Разумеется, и тем, что военные события в повести Гайдара разворачиваются там же – на юге России и на Украине; и тем, что Гайдар тоже был военкором. Однако в жанровом отношении тексты Коца и Гайдара, казалось бы, должны вступать в противоречие, поскольку Коц создает документальные очерки, а «В дни поражений и побед» – художественная повесть. Повесть автобиографична, имеет документальную основу, но рассказывает не об Аркадии Голикове, а о Сергее Горинове. Мы создаем, что Горинов похож на Голикова, но все же не Голиков; в основе повествования реальные факты, но читателю они преподносятся в художественном преломлении. И тем не менее между повестью Гайдара и книгой Коца не возникает диссонанса, поскольку степень художественности обобщений у авторов разная, но принцип обобщений един – ориентирован на строгое подчинение реальности.

От документального обобщения – к художественному

Вернемся к той мысли, что литературный цикл является переходной формой между произведениями малых жанров и романом. Разница между циклом и романом не только в композиционной целостности, но и в уровне художественного абстрагирования. Цикл зачастую представляет собой переходный этап от *документальности*, ориентированной на изображение множества реальных фактов, к *достоверности*, обобщающей множество фактов посредством художественного вымысла.

В некоторых случаях подобный переход можно наблюдать даже в рамках одного цикла. Как уже было сказано, первая корреспонденция Л. Н. Толстого из осажденного Севастополя «Севастополь в декабре месяце» представляла собой очерк, ориентированный «на документальный, “газетный” жанр» [4, с. 70].

Возможно, выбор такой формы был отзвуком недавних издательских замыслов Толстого: осенью 1854 г. он с сослуживцами разрабатывал проекты военного периодического издания, предполагавшего публикацию материалов документального и прикладного характера [8]. Так или иначе, но проекты эти не состоялись, и очерк Толстого был напечатан в литературном журнале «Современник», где жанровый состав публикаций был чрезвычайно разнообразным. И следующие два текста о Севастополе, присланные Толстым в «Современник», представляли собой уже не очерки, а рассказы: персонажи и ситуации в них являлись результатом художественной типизации, плодом вымысла, обобщавшего военные наблюдения автора.

При определенных условиях художественный вымысел может дать аудитории более верное и полное представление о войне, нежели ее фрагментарные документальные отражения. Художник, способный подчинить фантазию реальным фактам и опыту очевидца, предлагает нам некий «экстракт» знаний о военной жизни. Личные впечатления в этом процессе имеют определяющее значение. Так, «Война и мир» во многом базировалась на впечатлениях Толстого времен Севастопольской обороны. Это просматривается даже в отдельных деталях. Скажем, в «Войне и мире» Толстой акцентирует внимание на обыкновении русских солдат называть противника местоимением «он» [14, т. 5, с. 203]. Эта подробность, без сомнений, была подмечена писателем в Севастополе, поскольку отразилась в «Севастопольских рассказах» [14, т. 2, с. 16]. Истинность же этого наблюдения подтверждается словами Н. И. Пирогова. «Стреляют <...> вообще мало, – сообщил хирург в письме к жене от 13 января 1855 г. из Севастополя, – пускают от времени до времени несколько бомб от нас и от *него*; ты знаешь, что *он* – это значит неприятель» [10, с. 39].

Приметы, характерные для формата очерковых циклов, мы порою можем обнаружить в повествовательной структуре военного романа. Прежде всего это касается эпопеи «Живые и мертвые» К. М. Симонова. Исследователи уже замечали, что, «стремясь к максимальному правдоподобию, автор “Живых и мертвых” избегает сугубо беллетристических, фабульных связок между эпизодами войны»: «Каждая глава романа собрана вокруг одной ситуации. Внешней связи между отдельными главами нет» [5, с. 191]. Такой стиль изложения во многом отражал историю авторской обработки фактов: они поначалу фиксировались в дневнике и военных очерках писателя, то есть составляли отдельные текстовые «эпизоды». Писатель намеренно сохранил эту «фрагментарность» в художественном тексте романа, что позволило ему добиться эффекта «хроникальности»: создается ощущение, что автор не «управляет» сюжетом, а лишь следует вслед за событиями, как военкор следует по местам боевых действий.

Объяснимо и закономерно, что убедительную панораму исторических событий способен создать, прежде всего, участник или очевидец этих событий. Чтобы война 1812 г. нашла достоверное отражение в «Войне и мире», Л. Н. Толстой должен был участвовать в обороне Севастополя; чтобы состоялся «Тихий Дон», М. А. Шолохов должен был с детства наблюдать среду казачьего быта и процессы расслоения в казачьем сообществе; чтобы появилась трилогия «Живые и мертвые», К. М. Симонов должен был с первых дней Великой Отечественной войны запечатлеть ее события в качестве военкора [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя эпохи и тексты, мы можем выявить логически объяснимые закономерности, управляющие литературным осмыслением военных действий. На первом этапе происходит фиксация отдельных деталей и фактов, находящихся в жанре документального очерка и других малых формах словесного творчества. Накопление фактов требует обобщений, что ведет, с одной стороны, к использованию тактики типизации, с другой стороны, к созданию очеркового цикла – панорамной хроники военных действий. И наконец наступает этап художественного обобщения, когда множественные факты военной реальности преобразуются в единичные образы, сконструированные авторским воображением, но фокусирующие типичные проявления реальности.

Когда мы увидим широкие художественные полотна о Специальной военной операции – вопрос, разумеется, риторический. Однако некоторые соображения на этот счет высказать можно.

До Л. Н. Толстого предпринимались попытки создать романы о войне 1812 г. Так, в 1831 г. М. Н. Загоскин выпустил роман «Рославлев, или Русские в 1812 г.», а Ф. В. Булгарин – «Петр Иванович Выжигин». И там, и там было множество маловероятных сцен, мелодраматических поворотов, схематичных характеров, а исторические трактовки были наивно поверхностны [7, с. 554–559], так что публика и критика отреагировали на эти опыты весьма холодно. Лишь через полвека после войны начала печататься «Война и мир». И дело не только в том, что тема ждала гениального автора. В ту пору документальные материалы о войне были представлены не столь уж богато, не слишком скоро шло общественное осмысление событий, да и литература еще не обладала достаточным инструментарием для решения столь грандиозных задач. А вот события Великой Отечественной получали литературное воплощение быстрее. «Живые и мертвые» начали печататься уже через полтора десятилетия после Победы. Учитывая оперативность, с какой мы сегодня получаем материалы о войне, учитывая, как быстро информация «осваивается» обществом, можно ожидать, что масштабные художественные полотна об СВО мы увидим уже очень скоро.

В любом случае следует заключить, что военные корреспонденты сегодня не просто сообщают аудитории об эпизодах боевых действий, они, одновременно, собирают по крупицам материалы для будущих объемных панорам СВО. Эти «панорамы» будут создаваться в разных форматах и измерениях. Одни полотна создадут ученые-историки, другие – кинематографисты, третьи – художники слова. Но все эти произведения будут созданы благодаря работе военкором, а иные из них – и самими военкорами – бытописателями наших поражений и побед.

Список литературы

1. Букатов В. М. Клиповые изменения в восприятии, понимании и мышлении современных школьников – досадное новообразование постиндустриального уклада или долгожданная реанимация психического естества? // Актуальные проблемы психологического знания. – 2018. – № 4 (49). – С. 5–19.
2. Богословский Н. В. Тургенев. – М.: Молодая гвардия, 1961. – 416 с.
3. Коц А. И. 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2023. – 464 с.
4. Лебедев Ю. В. Л. Н. Толстой на пути к «Войне и миру» (Севастополь и «Севастопольские рассказы») // Русская литература. – 1976. – № 4. – С. 61–82.
5. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. II. – М.: ИЦ «Академия», 2003. – 413 с.
6. Мащенко А. П. Крым в жизни и творчестве Константина Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 88–103.
7. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
8. Орехова Л. А., Первых Д. К. От «Солдатского вестника» – к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 189–206.
9. Первых Д. К. Нарративный «фольклор» как информационное оружие прошлого и настоящего // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 180–190.
10. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. – М.: АН СССР, 1950. – 652 с.
11. Сладков А. В. «Курская область...» [18 сентября 2024 г.] // Сладков+. Неофициальные мысли о войне. Частный канал Александра Сладкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/Sladkov_plus/11424. – (Дата обращения: 2.10.2024).
12. Стешин Д. А. «Дороги войны имеют свой характерный запах...» [26 ноября 2023 г.] // Дмитрий Стешин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/id189477881?w=wall189477881_42022%2Fall. – (Дата обращения: 2.10.2024).
13. Стешин Д. А. Священная военная операция: от Мариуполя до Соледара. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2023. – 448 с.
14. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1987. – Т. 2, 5.
15. Ходаковский А. С. «С началом полномасштабной войны...» [1 августа 2024 г.] // Александр Ходаковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/s/aleksandr_skif?before=3275. – (Дата обращения: 2.10.2024).
16. Эбин Ф. Е. Комментарии // Гайдар А. П. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 4. – М.: Детская литература, 1973. – С. 580–588.
17. Эйхенбаум Б. М. О прозе. Сборник статей. – Л.: Худож. лит., 1969. – 504 с.
18. Яковлев И. П. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Институт управления и экономики, 2001. – 230 с.
19. Янушкевич А. С. Три эпохи литературной циклизации Боккаччо – Гофман – Гоголь // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2 (3). – С. 63–81.

References

1. Bukatov V. M. *Klipovye izmenenija v vosprijatii, ponimanii i myshlenii sovremennyh shkol'nikov – dosadnoe novoobrazovanie postindustrial'nogo uklada ili dolgozhdannaja reanimacija psihicheskogo estestva?* [Clip changes in the perception, understanding and thinking of modern schoolchildren – an unfortunate neoplasm of the post-industrial order or a long-awaited resuscitation of the mental nature?]. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya*, 2018, no. 4 (49), pp. 5–19.
2. Bogoslovskij N. V. *Turgenev* [Turgenev]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1961. 416 p.
3. Koc A. I. *500 dnej porazhenij i pobed. Hronika SVO glazami voenkora* [500 days of defeats and victories. Chronicle of the SVO through the eyes of a war correspondent]. Moscow, Komsomol'skaja pravda Publ., 2023. 464 p.
4. Lebedev Ju. V. *L. N. Tolstoj na puti k «Vojne i miru» (Sevastopol' i «Sevastopol'skie rasskazy»)* [Tolstoy on the way to “War and Peace” (Sevastopol and “Sevastopol Stories”)]. *Russkaja literatura*, 1976, no. 4, pp. 61–82.
5. Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. *Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody: V 2 t. T. II* [Modern Russian literature: 1950–1990s: In 2 vols. T. II.]. Moscow, Akademija Publ., 2003. 413 p.
6. Mashhenko A. P. *Krym v zhizni i tvorcestve Konstantina Simonova* [Crimea in the life and work of Konstantin Simonov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no 3, pp. 88–103.
7. Orehov V. V. *Russkaja literatura i nacional'nyj imidzh (Imagologicheskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom dialoge pervoj poloviny XIX v.)* [Russian literature and national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue of the first half of the 19th century)]. Simferopol', Antikva Publ., 2006. 608 p.
8. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Ot «Soldatskogo vestnika» – k «Voennomu listku»: jevoljucija idei izdaniya v uslovijah Krymskoj vojny (1854 g.)* [From the “Soldier's Bulletin” to the “Military Leaflet”: the evolution of the idea of publication in the context of the Crimean War (1854)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 4, pp. 189–206.
9. Pervyh D. K. *Narrativnyj «folklor» kak informacionnoe oruzhie proshlogo i nastojashhego* [Narrative “folklore” as an information weapon of the past and present]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 4, pp. 180–190.
10. Pirogov N. I. *Sevastopol'skie pis'ma i vospominanija* [Sevastopol letters and memoirs]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950. 652 p.
11. Sladkov A. V. *«Kurskaja oblast'...» (18 sentjabr' 2024 g.)* [“Kursk Region...” (September 18, 2024)]. *Sladkov+. Neoficial'nye mysli o vojne. Chastnyj kanal Aleksandra Sladkova*. Available from: https://t.me/Sladkov_plus/11424 (accessed 2.10.2024).
12. Steshin D. A. *«Dorogi vojny imejut svoj harakternyj zapah...» (26 nojabrja 2023 g.)* [“The roads of war have their own characteristic smell...” (November 26, 2023)]. *Dmitrij Steshin*. Available from: https://vk.com/id189477881?w=wall189477881_42022%2Fall (accessed 2.10.2024).
13. Steshin D. A. *Svjashhennaja voennaja operacija: ot Mariupolja do Soledara* [Sacred military operation: from Mariupol to Soledar]. Moscow, Komsomol'skaja pravda Publ., 2023. 448 p.
14. Tolstoj L. N. *Sobr. soch.: v 12 t.* [Collected works: in 12 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1987, vol. 2, 5.
15. Hodakovskij A. S. *«S nachalom polnomasshtabnoj vojny...» (1 avgusta 2024 g.)* [“With the beginning of a full-scale war...” (August 1, 2024)]. *Aleksandr Hodakovskij*. Available from: https://t.me/s/aleksandr_skif?before=3275 (accessed 2.10.2024).

16. Jebin F. E. *Kommentarii* [Comments]. *Gajdar A. P. Sobr. soch.: V 4-h t. T. 4.* Moscow, Detskaja literature Publ., 1973, pp. 580–588.
17. Jejhenbaum B. M. *O proze. Sbornik statej* [On prose. Collection of articles]. Leningrad, Hudozhestvennaja literature Publ., 1969. 504 p.
18. Jakovlev I. P. *Osnovy teorii kommunikacii: Uchebnoe posobie* [Fundamentals of the Theory of Communication: Textbook]. St. Petersburg, Institut upravlenija i jekonomiki, 2001. 230 p.
19. Janushkevich A. S. *Tri jepohi literaturnoj ciklizacii Bokkachcho – Gofman – Gogol'* [Three eras of literary cyclization Boccaccio – Hoffmann – Gogol]. *Vestnik TGU*, 2008, no. 2 (3), pp. 63–81.

**MILITARY JOURNALISM
IN THE ERA OF SPECIAL MILITARY OPERATIONS:
FROM RECORDING FACTS TO GENERALIZATIONS**

Orekhov V. V.

The article attempts to identify the main trends in the development of domestic journalism during the SVO period. Although frontline action videos remain the most popular form of factual materials about the SVO today, verbal texts continue to play a fundamentally important role in the work of war correspondents. This is due to both the specific capabilities of the word in reflecting reality and the desire of journalists to generalize information about military life. As a result, one can observe the use of artistic typification and literary cyclization techniques by war correspondents, which should be regarded as a continuation of the classical traditions of Russian literature. These trends are most clearly expressed in the books of essays about the SVO by Alexander Kots “500 Days of Defeats and Victories” and Dmitry Steishin “The Sacred Military Operation”. The comparison of facts from different eras undertaken in the article allows us to identify logically explainable patterns that govern the literary understanding of military operations. At the first stage, individual details and facts are recorded, which find expression in the genre of a documentary essay and other small forms of verbal creativity. The accumulation of facts requires generalizations, which leads, on the one hand, to the use of typification tactics, and on the other hand, to the creation of an essay cycle – a panoramic chronicle of military operations. And finally, the stage of artistic generalization begins, when multiple facts of military reality are transformed into single images – constructed by the author’s imagination, but focusing typical manifestations of reality.

Key words: SVO, military journalism, Dmitry Steshin, Alexander Kots, artistic typification, literary cyclization.